

№ 173 (120) СУНДУК, КОТОРЫЙ ВПЯТЕРОМ НЕ ПОДНЯТЬ

У одного богатого мужика сынок полюбил бедную девушку. Но родители разве позволять взять бедную? И так парень страдает! Никакую богатую не хочет брать! Встретился как-то с бедной девушкой своей и говорить:

– Мне батюшку не уломать, не позволять тебе замуж брать. Ему, вишь, богатство надо!

А бедная девушка и говорить:

– А ты батюшке условие поставь, если хочешь на мне жениться.

А парень и спрашивает:

– А какое же я могу условие ему поставить?

– А такое: скажи, поедем свататься и возьмём ту, в которой сундук впятером нужно будет с места сдвигать, а не ту, про которую говорят, что богата.

Обрадовался парень.

Пришли Святки*, батюшка запряг лошадь и говорить:

– Ну, сынок, давай-ка махнём к Антипу, посватаем его дочь, правда, она старовата малость и рябовата, но зато богата.

А сын и говорить:

– А ты, батюшка, Антипино богатство не видал и деньги не считал, да и дасть ли Антипа приданое большое? Поеду, если будем в каждый дом заезжать, да побогаче выбирать. Вот мое желание какое: возьми с собой мужиков пять: в которой девки не сумеют сундук впятером поднять, ту и возьмём.

Вот и поехали сын с батей, и ещё мужики впятером. В несколько богатых домов заходили. Мужики шутили, приданое посмотреть хотели, матушки сундуки показывали – вдвоем с места сдвигали! А когда, наконец, к той бедной девушке попали, то и впятером сундук не взяли. Еле всемером подняли! Так её-то, бедную, и пришлось батюшке согласиться взять. Едет домой батюшка Фома, наглотавшись вина, да и говорить на сына:

– Слышь-ка, Макарка, а что могла накласть в сундук Дарка? Ведь нищета, голь несчастная!

А сын и говорить:

– А мне откуда знать? Придеть пора – узнаем.

Вскоре свадьбу сыграли. Сундук тот привезли, в чулане поставили: в избу громоздок больно. Замок пудовый висить, а невестка плошенько одевается, а до сундука не дотрагивается. Фома с Фомичихой в чулан сходят на сундук поглядячь да и промеж собой и говорить:

– Наверно, наш Макарка будет от нас отходить, зато сундук и не разводить*!

Живуть год, живуть два. Родила сына Макаркина жена. Фома как-то лежить на печи, да сыну и говорить:

– Сынок, почему ты нам с матерью не покажешь, что в твоей жене в сундуке?

– Обождите, покажу, как печку в избе своей сложу!

Ладился* Макарка отделиться. Изба была уже срублена, но кирпича не хватало. А Дарка, чтоб попасть за Макарку, в сундук сотни три кирпичей наклала. Макарка-то знал, а раз Дарку любил, не говорил.

Отец и говорить:

– Долго, сынок, ты ещё будешь нас морить: не скоро тебе кирпичей достать, чтоб печь сложить!

– Ничего, батюшка, не долго! Я вот на той неделе печку сложу и тогда вам сундук покажу!

Удивился Фома, где кирпича возьмет, ну, подумал: шутить Макарка! А и нет! Сложил-таки на той неделе печь и говорить:

– Ну, батюшка, теперь смотри иди, что было в Дарки в сундуке.

Пришел Фома: в избе почти пусто и сундук пустой! Ещё больше удивился Фома и говорить на Макарку:

– Где тое, что было так тяжело? В сундуке пусто, в избе пусто!

– Батюшка, а там были кирпичи, теперь они в печи!

– Как так кирпичи?

– А так: богатство хорошо, а мудрость лучше. Не быть бы сложенной так скоро в моей избе печи, если б не были в сундуке кирпичи.

Заорал Фома на сына, а сын и говорить:

– Ты, батюшка, понапрасну не ори; ты же сказал: богатую бери. Вот я и решил с тяжёлым сундуком тебе невестку взять. Ты же не мог и впятером поднять, а что там было, для меня наплевать, я взял ту, которую желал взять! Зато не надо ни мамки, ни няньки, ни повара, ни служанки, ни прачки, ни собачки. Моя жена сама щи варить, сама стирает, сама сынка годуеть*. Живет твой Макарка и в ус не дуешь, а ты заладил: богатство! А богатство, батюшка, что гадство! Ты вот богатую брал да на слуг всё её богатство и промотал. Хоть твоя жена мне и мать, но я не могу богатство такое уважать, где с чужих рук придётся жрать, чужие руки твое тряпье стирают, твой дом убирают, и меня, единственное чадо, чужие кормили! А моя Дарка сварить картошку и кричить: «Макарка, иди поешь, пока картошка жарка!» А мой сынок Антошка уже говорить: «Папка, узе свалилась калтоска, послИ злать, пока залкая!» Вот это понимаю – богатство: всюду своя семья!

Стоял Фома, слушал и думал: «А и то правда: какая копейка у моего Макарки заведётся, даром не разведётся*. А я-то, дурак, сколько этим-то служанкам, мамкам, нянькам ухлопал!» Постоял, подумал и домой побежал. Прибежал домой, на жену и говорить:

– Всё, Мотря! Хватить с меня! Будешь сама мне щи варить, мои портки мыть. А всех этих самых слуг, чтоб не было их тут и духу: надоели!

А жена:

– Что ты, Фома, шутишь или в самом деле?

– Нет, – говорить Фома, – не шучу!

А жена ему:

– Фомушка, я давно сказать тебе хочу: мне тоже надоели: начисто раздели-разули и объели! Как это ты надумал всех обжор прогнать? Неужели ж я не сумею сама стирать, убирать да щи варить? Да что там говорить!

Так Фома и смирился, что сын на бедной женился.

Жена как-то Фоме и говорить:

– Фомушка, а что у нашей невестки в сундуке лежит? Тебе, небось, показали, а мене не позвали!

– Мотря! Молчи! В сундуке-то были кирпичи!

– Батюшки, а я-то, дура, думала, и где Макарка кирпичи брал, когда печь в избе клал? Какая умница! Заранее знала, что будет делиться! А я замуж за тебя, Фомушка, шла, золота шкатулку несла, шляпок десятка два, а от тех шляпок осталось два пера, а от золота ни <...>ра. А Макарка да Дарка молодцы. Я молчу, и ты за кирпичи молчи!